

Эвиденциальность и абдукция*

Сергей Татевосов

МГУ имени М.В. Ломоносова

1. Инференциальность

10 лет назад, в 2007 году, вышел из печати сборник статей «Эвиденциальность в языках Европы и Азии», публикацией которого Виктор Самуилович Храковский завершил дело, начатое Наталией Андреевной Козинцевой. Книгу замыкает статья, написанная самим редактором, значение которой выходит далеко за пределы, которые обычно положены произведениям этого жанра. Виктора Самуилович излагает результаты критического осмысления всей эвиденциальной проблематики: как устроены эвиденциальные системы, в чем состоят семантические характеристики отдельных эвиденциальных значений, где проходит граница между эвиденциальностью и смежными категориями и многое другое.

Изложенные ниже заметки — это попытка сформулировать несколько соображений, связанных с наблюдениями Виктор Самуиловича об **инференциальном значении**.

Классический пример инференциальности — употребление формы на *miş* в турецком языке в (1) из Slobin, Aksu 1982:187:

- (1) К(онтекст): Говорящий приходит домой и обнаруживает в прихожей пальто своего приятеля Кемалья.
Kemal gel-miş.
Кемаль приходит-INFER
'{Я вижу,} Кемаль пришел.'

В (1) говорящий не наблюдает приход Кемалья и в момент произнесения (1) не видит его в своем доме, однако пальто Кемалья в прихожей дает ему достаточно информации, чтобы прийти к заключению, что пропозиция 'Кемаль пришел' истинна. Эта пропозиция утверждается в (1) при помощи глагольной формы с показателем *-miş*, одним из значений которого является инференциальность.

Другой пример инференциальной эвиденциальности — (2) из хантыйского языка (Nikoljeva 1999: 142):

- (2) ma kese-m хӳрӳӳӳӳ-m-al
я нож-1SG гнить-EV:PAST-3SG
'{Я вижу,} мой нож сгнил.'

Высказывание (2) возможно, например, если говорящий вынимает нож из сундука, куда он убрал его некоторое время назад в полной исправности, и обнаруживает, что нож совершенно ржавый и гнилой. В этом случае, как и в (1), говорящий узнает об утверждаемой ситуации 'нож сгнил' по ее последствиям — по состоянию 'нож гнилой'.

В русском языке, как и в большинстве других европейских языков, инференциальность не образует грамматической категории, однако выражается лексически. Например, выражение *я вижу* в русских переводах (1)-(2) — достаточно точный лексический эквивалент грамматических показателей в турецком и хантыйском языках.

* Исследование поддержано грантом РФФИ 16-18-02-081, выполняемом в МГУ имени М.В. Ломоносова.

Обсуждая инференциальность с точки зрения степени достоверности высказывания, В. С. Храковский (Храковский 2007: 615-616) пишет: «Какую же оценку, с точки зрения говорящего, можно приписать подобным высказываниям? Поскольку в данном случае говорящий не участвовал в событии, о котором идет речь, и не наблюдал его, постольку его информация об этом событии не может считаться полной и объективно стопроцентно достоверной. Вместе с тем информация, которой он располагает, позволяет ему сделать единственно возможное умозаключение, что произошло именно это событие, а не какое-либо другое. Следовательно, эту информацию с точки зрения говорящего можно оценить как неполную, но субъективно стопроцентно достоверную».

Полностью разделяя обобщения В.С. Храковского (см. Tatevosov 2001, 2002, 2007, Tatevosov 2007), ниже мы обсудим несколько частных вопросов, позволяющих, как кажется, добиться лучшего понимания того, почему инференциальные показатели имеют именно такие свойства. В частности, в разделе 2 мы обсудим ограничения на дистрибуцию Перфекта¹ в мишарском диалекте татарского языка и в разделе 3 предложим описывать их как ограничения на естественно-языковую **абдукцию**. В разделе 4 преимущества такого анализа будут подкреплены дополнительными соображениями. В разделе 5 мы обсудим несколько возможностей предложить единую семантику для инференциальных и репортативных употреблений эвиденциальных категорий типа татарского перфекта. В разделе 6, наконец, мы введем событие приобретения информации как элемент семантики косвенной засвидетельствованности. Кроме того, мы предложим несколько наблюдений, предполагающих что в значении эвиденциальных категорий рассматриваемого класса, сохраняется, возможно, больше компонентов обычного перфекта, чем принято считать. Эта диахроническая связь перфекта с показателями косвенной засвидетельствованности подробно обсуждалась в типологических работах по предмету (Anderson 1986, Bybee et al. 1994, Tatevosov 2001), однако очень мало освещалась в специализированных исследованиях по семантике категорий, выражающих косвенную засвидетельствованность (например, Matthewson *et al.* 2007, Izvorski 2007, Faller 2002, McCready & Ogata 2008, Murray 2010).

2. Татарский перфект

В качестве представителя семейства категорий, выражающих инференциальное значение интересующего нас типа, рассмотрим Перфект в мишарском диалекте татарского языка (подробнее см. Tatevosov и др. (ред.) 2017; грамматическое маркирование косвенной засвидетельствованности в других тюркских языках, в первую очередь в турецком, освещается в Slobin & Aksu 1982, Aksu-Koç, Slobin 1986, Meydan 1996, Czató 2000, Johanson 2000, 2003, Şener 2011).

Мишарский Перфект достаточно типичен. Во-первых, он, как следует из названия, представляет собой продукт диахронического развития перфекта. Во-вторых, его семантическое содержание сводится к выражению косвенной засвидетельствованности. В этом качестве он противопоставлен группе глагольных форм, не маркированных по этому параметру (ср. обозначение “nonfirsthand vs. everything else”, предложенное А. Айхенвальд (Aikhenvald 2003: 4, 12) для систем такого типа). В-третьих, в инференциальном употреблении он проявляет именно те характеристики, о которых пишет В.С. Храковский.

Все это делает мишарский Перфект эмпирически многообещающим объектом исследования и позволяют надеяться, что сказанное о нем будет иметь следствия и для понимания других аналогичных категорий (в первую очередь в языках, образующих так

¹ Здесь и далее мы придерживаемся так называемого соглашения Б. Комри (Comrie), который ввел практику написания названий частноязыковых категорий с прописной буквы. Универсальные семантические категории, или межъязыковые категориальные типы (Dahl 2000) записываются со строчной буквы. Это различие, например, делает полностью корректным утверждение типа «Татарский Перфект представляет собой продукт диахронического развития перфекта».

называемый «эвиденциальный пояс Старого Света» — болгарский, албанский, турецкий, грузинский, армянский, нахско-дагестанские и многие другие).

Два основных употребления Перфекта — инференциальное и репортативное. Они иллюстрируются в (3)-(4), где контекст K_1 соответствует инференциальному прочтению, а контекст K_2 — репортативному.

- (3) K_1 : Говорящий некоторое время ищет топор, а затем видит Даута с топором в руке.
 K_2 : Говорящий встретил друзей, которые сообщили ему, что Даут взял топор.
daut balta-nx al-gan.
Даут топор-АСС брат-PFCT
1. '{Я вижу,} Даут взял топор.'
2. '{Мне сказали, что} Даут взял топор.'
- (4) K_1 : Говорящий замечает, что Даут изменился: он не ест, не пьет, никого не слушает и постоянно смотрит на Алсу.
 K_2 : X сообщает говорящему, что Даут влюбился в Алсу. Говорящий сообщает об этом Y-у:
daut alsu-nx jarat-kan.
Даут Алсу-АСС любить-PFCT
1. '{Я вижу,} Даут влюбился в Алсу.'
2. '{Мне сказали, что} Даут влюбился в Алсу.'

В репортативном употреблении, возникающем в (3)-(4) в контексте K_2 , говорящий получает информацию о ситуации из устного сообщения внешнего источника.

Инференциальное употребление реализуется в контексте K_1 . В этом и следующем разделе мы остановимся именно на нем. (Здесь и далее оно передается в русском переводе, как и рекомендует В.С. Храковский, с помощью оборота *я вижу* (см. также Tatevosov 2001, 2002)).

Как видно из (3)-(4), если предложение с Перфектом используется для утверждения пропозиции p , в момент речи должно иметь место наблюдаемое говорящим положение дел q , позволяющее ему заключить, что утверждаемая пропозиция p истинна. В контексте K_1 в (3) и (4) наблюдаемое положение дел — это соответственно 'Даут держит топор' и 'Говорящий замечает, что Даут изменился...', а утверждаемые пропозиции — 'Даут взял топор' и 'Даут влюбился в Алсу'. То же самое предложение в контексте, когда логический вывод не опирается ни на какое наблюдаемое положение дел, а использует лишь общие знания о мире и об участниках ситуации, рассматривается носителями языка как аномальное:

- (5) K: X: — Где твой топор? Y: — Я не знаю. Даут вроде собирался рубить дрова...
??daut balta-nx al-gan.
Даут топор-АСС брат-PFCT
{Должно быть,} Даут взял топор!

Это же обобщение иллюстрируется примерами типа (6):

- (6) K_1 : Говорящий приходит домой вечером. В прихожей он видит пальто Зухры. Говорящий:
* K_2 : X: — Ты думаешь, Зухра уже дома? Y: — Уже семь часов, рабочий день закончился...
zehrä katⁱ-kan.
Зухра возвращаться-PFCT
1. '{Я вижу,} Зухра вернулась (домой).'
*2. '{Должно быть,} Зухра вернулась (домой).'

(6) уместно в контексте K_1 (ср. (1) из Slobin, Aksu 1982), но не в контексте K_2 . В первом случае именно пальто Зухры указывает говорящему, что Зухра дома. Во втором случае в его распоряжении есть только соображения общего характера, например, 'Если рабочий день завершен, работник обычно приходит домой; рабочий день Зухры завершен, следовательно, она должна быть дома'.

Мишарский Перфект, таким образом, — это показатель экспериенциальной инференциальности (термин впервые употребляется в Anderson 1986:284)². Говорящий, утверждая пропозицию p , имеет перед глазами некоторое положение дел q , которое позволяет ему сделать вывод о том, что p истинна ('я утверждаю, что p , потому что, как я вижу (слышу), имеет место q '). Формы на *miş* в турецком языке, одна из которых показана в (1), — это также экспериенциальные инференциальные формы. Примечательно, что татарский и турецкий — представители весьма многочисленного класса языков, где категории со значением косвенной засвидетельствованности, или, как их иногда называют, медиативные категории, представляют собой продукт диахронического развития перфекта.

Показатели неэкспериенциальной инференциальности употребляются, если вывод о том, что ситуация имела место, базируется на общих знаниях, логике, рассуждениях, интуиции и прочих ментальных конструктах. Если бы татарская инференциальная форма допускалась в контекстах типа (6), она была бы неэкспериенциальной.

В классических описаниях инференциальности представлено значительное количество сходных наблюдений, которые сводятся к тому, что говорящему необходимо полученная из непосредственного опыта информация о результирующем состоянии описываемой ситуации. Вот несколько характерных цитат.

Inferences must be based on any kind of sensory evidence of resultant state, with the provision that no aspect of the antecedent process has been present in the speaker's consciousness (Aksu-Koz, Slobin 1986:160)

The past inferential indicates that the speaker purports to base the truth of the narrated event on indirect evidence obtained in the present, or in the past after the narrated event had been completed. The evidence may be a tangible result of the narrated event from which the speaker has inferred its truth, or else hearsay. (Woodbury 1986:193)

When a speaker sees result of some action, s/he may use it as evidence to infer what the action was that produced the observed state of affairs. (Willett 1988: 61)

C'est en observant des résultats qu'on infère les événements qui les ont causés (Lazard 1996:28)

В этом месте возникает сразу несколько важных вопросов. Как в точности наблюдаемое положение дел обеспечивает говорящего информацией о предшествующей ситуации? Происходит ли при этом что-то специфичное для семантики показателей инференциальности или переход от наблюдения последствий ситуации e к утверждению о том, что она имела место, происходит не только тогда, когда мы используем татарский Перфект или русское *я вижу*? Ограничен ли этот переход и если да, то чем именно?

² В Anderson 1986: 284 Aikhenvald 2003: 12 в том же значении используется термин "deferred evidence".

3. Абдукция

В этом месте возникает ключевое для дальнейших рассуждений понятие, которое как ни удивительно, до сих пор практически не фигурировало в описаниях семантики инференциальных категорий. Это понятие известно как **абдукция** (термин предложен Ч. Пирсом), или **вывод наилучшего объяснения**.

Почему, видя в прихожей пальто Зухры, мы заключаем, что утверждение ‘Зухра вернулась’ в (6) истинно? Логически это утверждение не следует из ‘В прихожей висит пальто Зухры’. Однако в том контексте, о котором идет речь, оно выступает наилучшим объяснением наблюдаемого положения вещей.

Таким образом, абдукция — это разновидность логического вывода, которую в первом приближении можно описать следующим образом:

- (7) При наличии наблюдаемого положения вещей E и возможных объяснений H_1, \dots, H_n , следует заключить, что истинно то H_i , которое объясняет E наилучшим образом.

Абдукция — важнейшая часть нашей обыденной логики. Эту операцию, например, проделывает врач, когда, изучив симптомы заболевания, ставит диагноз. Абдукция широчайше представлена в естественнонаучных рассуждениях, когда требуется дать каузальное объяснение наблюдаемому явлению, а в распоряжении исследователя имеется более одной гипотезы. Предположив, что инференциальность опирается на абдукцию, мы получаем важное эмпирическое преимущество. Инференциальность более не является вещью в себе, обладающей особыми свойствами и уникальной дистрибуцией. Она сводится к известной из других областей науки логической операции, свойства и проявления которой известны из независимых источников.

Что мы знаем об абдукции? Абдукция — один из трех основных типов логического вывода наряду с **дедукцией** и **индукцией**.

Дедуктивные рассуждения характеризуются тем, что истинность набора посылок гарантирует истинность следствия. Если верно, что все вороны черные, а Володя — это ворон, то верно и то, что Володя черен. Это не выполняется ни для индуктивных, ни для абдуктивных рассуждений. Индуктивные рассуждения позволяют распространять обобщения о частных случаях на более общие случаи. Частная разновидность индуктивного рассуждения — это, например, **статистический силлогизм** и **аргументация по аналогии**.

Статистический силлогизм — это рассуждение, где по меньшей мере одна из посылок представляет собой статистическое обобщение. Если верно, что 98% воронов черны и что Володя ворон, можно заключить, что Володя черен с вероятностью 98%. При индуктивных рассуждениях не исключается, что посылки истинны, а вывод ложен, однако это маловероятно. Вывод тем самым не является логическим следствием посылки; скорее посылка представляет собой аргумент (более или менее сильный), подкрепляющий вывод.

Другая разновидность индуктивных рассуждений — аргументация по аналогии. Если мы наблюдаем два объекта, которые имеют много общих свойств, например, крылья, перья черного цвета и клюв, и знаем об одном из них что он каркает, мы можем на этом основании утверждать с высокой долей вероятности, что и другой тоже каркает.

Абдукция — это, как мы уже сказали, рассуждение, которое, опираясь на наблюдаемые факты и некоторую сумму знаний, дает этим фактам наилучшее объяснение. Если верно, что абдукция задействована в употреблении категорий типа татарского Перфекта, можно ожидать, что ограничения на инференциальные употребления по сути представляют собой естественно-языковые ограничения на абдукцию.

Какими характеристиками должно обладать наблюдаемое положение вещей q , чтобы можно было утверждать p , которое мы полагаем причиной q ? Что значит, что p — наилучшее объяснение q по сравнению с альтернативами?

Экспликация того, что есть (относительное или абсолютное) качество объяснения, — это не самая простая задача; представление об этой непростоте можно составить даже по энциклопедической статье Douven 2016. Чтобы определение эффективно работало, следует указать, как генерируется множество альтернативных гипотез и как соотносятся элементы этого множества. Может ли множество, например, содержать пару пропозиций, одна из которых — это логическое следствие другой?

С другой стороны, ясно, что когда мы говорим о качестве объяснения, мы склонны принимать во внимание такие его характеристики, как простота, общность и когерентность. Эти соображения начинают играть особенно важную роль, если речь идет об объяснении, содержащем существенное количество пропозиций и имеющем сложную внутреннюю структуру. Учитывая все это, для целей этой статьи кажутся неизбежными некоторые упрощения. Мы будем исходить из того, что в качестве наилучшего объяснения мы всегда выводим единственную пропозицию — собственно, ту, которая утверждается с помощью инференциального показателя.

«Объяснение» мы будем понимать в причинных терминах: пропозиция p дает каузальное объяснение пропозиции q , если верно, что p cause q . Отношение непосредственной каузации cause, следуя Lewis 1972, можно определить в контрфактических терминах, см., например, обсуждение в Dowty 1979. Сравнение каузальных объяснений договоримся проводить вероятностно: p — лучшее объяснение q , чем p' , если вероятность того, что p cause q выше, чем вероятность p' cause q , исходя из того, какая информация доступна в текущем контексте.

С учетом сказанного, условие успешной абдукции для инференциальных употреблений Перфекта можно сформулировать следующим образом:

- (8) Пусть $C(\text{common})G(\text{round})$, или общая информационная база, — это множество пропозиций, которые участники коммуникации рассматривают как истинные в текущем контексте. Пусть q — пропозиция, которая обозначает наблюдаемое в момент речи положение дел. Пусть $p, p \notin CG$, — пропозиция, утверждаемая с помощью инференциального Перфекта, такая, что p дает каузальное объяснение q . Тогда
- a. без утверждаемой пропозиции p наблюдаемое положение дел q не вытекает из информационной базы:
 $CG \not\models q$;
 - b. p в совокупности с информационной базой достаточна для вывода q :
 $CG \cup \{p\} \models q$;
 - d. p — наиболее вероятное каузальное объяснение q среди пропозиций, не являющихся ее логическим следствием:
 $\forall p' [CG \cup \{p'\} \models q \rightarrow [\neg p \subseteq p' \rightarrow [p' \text{ cause } q] <_{\text{likely}} [p \text{ cause } q]]]$.

(8a) и (8b) самоочевидны. (8a) обеспечивает, чтобы утверждаемая с помощью инференциального Перфекта пропозиция была необходима для объяснения наблюдаемого положения дел q . (8b) вводит условие, чтобы эта пропозиция в совокупности с общей информационной базой была достаточна для объяснения q . (8c) требует, чтобы пропозиция была наиболее вероятной причиной q .

Рассмотрим, как работает последнее требование более подробно на примере (9) с тремя возможными контекстами:

- (9) K_1 : Говорящий знает, что утром Даут начал пахать поле. Вечером он приходит посмотреть, выполнена ли работа и обнаруживает, что поле вспахано.
 $^{??}K_2$: Говорящий видит только что вспаханное поле и пытается догадаться, кто бы мог вспахать поле. В селе есть три пахаря — Рашид, Джавдет и Даут.

К₃: Говорящий встречает Даута, пахаря, усталого и испачканного грязью и дизельным топливом.

daut кʏг-нʏ sukala-gan.

Даут поле-АСС вспахать-РФСТ

1. ‘{Я вижу,} Даут вспахал поле.’
2. ^{??} ‘{Должно быть,} Даут вспахал поле.’
3. ‘{Я вижу,} Даут (вс)пахал поле.’

В контексте К₁ говорящий наблюдает состояние ‘поле вспахано’. Знание о мире предполагает, что оно представляет собой результирующее состояние события ‘вспахать поле’. Пропозиция q = ‘поле вспахано’ достаточна для абдукции пропозиции ‘Эх. х вспахал поле’, т.е. ‘кто-то вспахал поле’. В (9), однако делается более сильное утверждение: ‘Даут вспахал поле’, где представлена одна из пропозиций из множества альтернатив {‘Даут вспахал поле’, ‘Рашид вспахал поле’, ...}. Контекст содержит информацию о том, что Даут начал пахать поле, и не содержит информации, что работа была закончена кем-то другим. Знания о мире таковы, что когда некоторый индивид участвует в определенном качестве в начальной стадии события, то, если нет явных указаний на обратное, следует предполагать, что он участвует в том же качестве во всем событии. Соединив все эти компоненты, мы получаем основание рассматривать утверждаемую пропозицию как более вероятную, чем альтернативы. И действительно, в К₁ предложение с Перфектом полностью уместно.

В контексте К₂ мы видим то же самое результирующее состояние, но на этот раз высказывание семантически аномально. По комментарию одного из носителей языка, «я не могу быть уверен, что именно Даут вспахал поле, это только догадки». Хотя говорящий наблюдает результирующее состояние, у него недостаточно информации, чтобы рассматривать одну из пропозиций в ряду ‘Рашид вспахал поле’, ‘Джавдет вспахал поле’, ‘Даут вспахал поле’ как наиболее вероятную причину этого состояния. Если, помимо того, что задано в контексте К₂, больше ничего не известно, можно заключить, что вспахать поле мог любой из них. Следовательно, оснований абдуцировать утверждаемую пропозицию, отклонив альтернативы, нет.

В этих примерах мы сравниваем абдуцируемые объяснения, которые не являются логическими следствиями друг друга. ‘Даут вспахал поле’ не вытекает из ‘Рашид вспахал поле’ и обратно. Условие « $\neg p \subseteq p'$ » в (8) гарантирует, что мы не сравниваем вероятность утверждаемой пропозиции p как объяснения положения вещей q с вероятностью логического следствия p' . Почему это важно? Потому что вероятность более слабой пропозиции в общем случае выше, чем вероятность более сильной.

Пусть перед нами две пропозиции, связанные отношением логического следования.

- (10) a. Марат вспахал поле.
b. Эх. х вспахал поле.

(10b) — следствие (10a): если верно что Марат вспахал поле, верно и то, что некто вспахал поле. Обратное неверно. Точно так же, (10b) — это следствие любой пропозиции, в которой вместо референта подлежащей ИГ ‘Марат’ представлена контекстно-доступная альтернатива. Если хотя бы две из таких альтернативных пропозиций имеют ненулевую вероятность, то вероятность каждой из них будет ниже, чем у (10b). Допустим, мы оцениваем в 80% вероятность ситуации ‘Марат вспахал поле’ как причины состояния ‘поле вспахано’, в 15% — вероятность ‘Рашид вспахал поле’ и в 0% — ‘Джавдет вспахал поле’, а больше никаких альтернатив не рассматриваем. Вероятность пропозиции в (10b) ‘Некто вспахал поле’ в этом случае составляет 100%, что выше вероятности любой из более сильных пропозиций. Тем самым, если бы (8) не содержало условия « $\neg p \subseteq p'$ », (10b) оказалось бы заведомо лучшим объяснением, чем (10a). Это означает, что предложение в

(9) должно было бы оказаться невозможным, а вместо него использовалось бы, например, (11), выражающее пропозицию в (10b):

- (11) куг-нх sukala-gan-nar.
поле-ACC пахать-PFCT-PL
'{Я вижу,} поле вспахали.'

Из этих примеров становится ясно, что если мы принимаем к рассмотрению предложения, связанные отношением логического следования, вероятностное сравнение будет в общем случае благоволять более слабым пропозициям в ущерб более сильным. В конечном, итоге, весьма возможно, это приведет нас к пропозиции типа 'что-то случилось' как наилучшему объяснению любого наблюдаемого положения вещей.

Ясно, что в действительности происходит нечто совершенно иное, и именно этим мотивировано условие в (8с), которое говорит, что утверждаемая пропозиция не обязана быть более вероятным объяснением наблюдаемого положения вещей, чем ее логические следствия. Они не участвуют в конкуренции при выборе наилучшего объяснения, и это вполне соответствует нашим интуитивным представлениям.

Что в каком случае предсказывает (8с) по поводу случаев, когда две пропозиции выглядят как (10a-b)? Предположим, что обе пропозиции могут служить объяснением наблюдаемого положения дел:

- (12) $CG \cup \{\text{'Марат вспахал поле'}\} \models \text{'Поле вспахано'}$
 $CG \cup \{\exists x. x \text{ вспахал поле}\} \models \text{'Поле вспахано'}$

Как мы уже видели, пропозиция 'Марат вспахал поле' не может быть наилучшим объяснением в контексте K_2 и, соответственно, ее невозможно абдуцировать в этом контексте. Для пропозиции в (10b) абдукция доступна. Мы можем сконструировать множество возможных альтернатив (10b) манипулируя внутренним аргументом и событийной дескрипцией (или обоими) — $\exists x. x$ засеял поле, $\exists x. x$ поджег поле, ..., $\exists x. x$ вспахал огород, $\exists x. x$ вспахал детскую площадку, ... $\exists x. x$ поджег детскую площадку. Если изъять из этого множества логические следствия (10b) (например, $\exists x. \exists y. \exists R. x R y$; то есть 'кто-то что-то с чем-то сделал'), становится ясно, что все они — худшие объяснения наблюдаемого, чем (10b). Результатом поджога детской площадки, например, вряд ли может быть состояние 'поле вспахано'. Таким образом, (10b) — это самая сильная пропозиция которую можно утверждать в контексте K_2 .

Рассмотрим, что происходит в контексте K_1 . Нам предстоит убедиться, что согласно (8), в этом контексте обе пропозиции представляют собой наилучшие объяснения наблюдаемого. В контексте K_1 (10a) более вероятно, чем альтернативы вида 'Керим вспахал поле' и чем любые другие альтернативы, порождаемые глаголом 'пахать' и его определенно-референтными актантами. (10a) не более вероятно чем (10b), однако (10b), будучи логическим следствием (10a), не конкурирует с ним за лучшую вероятностную оценку.

С другой стороны, (10b) также выступает наилучшим объяснением наблюдаемого. (10b) более вероятно чем альтернативы (в том числе чем (10a)); логические следствия (10b), как и прежде, к рассмотрению не принимаются.

Эти рассуждения показывают важное свойство системы в (8): если пропозиция p выступает наилучшим объяснением для пропозиции q , то все логические следствия p также выступают наилучшим объяснением q .

Насколько эмпирически адекватен такой результат? Носители мишарского диалекта рассматривают предложение (11) в контексте K_1 как приемлемое, и это как будто указывает на то, что система делает правильные предсказания.

В суждениях по поводу (11) в K_1 есть, однако, деликатный момент. (11) воспринимается как утверждение, игнорирующее часть информации, доступной в контексте, а именно, информации, позволяющей идентифицировать агенса. По комментарию одного из носителей, в (11) возникает эффект, как будто говорящий знает, кто выступает агенсом в ситуации вспахивания, но избегает его называть. Это может указывать на то, что если контекст допускает абдукцию более сильной пропозиции, ее использование не только возможно, но и необходимо; в противном случае возникает «эффект утаивания» или что-то подобное. Говорящий как бы обращается с CG как содержащей меньше информации, чем он на самом деле содержит.

Косвенно необходимость абдуцировать самую сильную пропозицию из возможных подтверждается и тем, что замена (11) на более и более слабые пропозиции делает предложении более и более семантически аномальным. Это иллюстрируется предложением в (13):

- (13) $K = K_1$ из (9)
^{??}kem-der nästä-der sukala-dʒ.
 что-INDEF что-INDEF пахать-PST
 ‘Кто-то что-то вспахал.’

Означает ли это, что в семантику инференциальных показателей в (8) следует внести дополнение, требующее, чтобы утверждаемая пропозиция была самой сильной из возможных альтернатив, как показано в (14):

- (14) p — самое сильное из наилучших объяснений q
 $\forall p' [p' \subseteq p \wedge CG \cup \{p'\} \models q \rightarrow$
 $\exists p'' [CG \cup \{p''\} \models q \wedge [p' \text{ cause } q] \leq_{\text{likely}} [p'' \text{ cause } q]]$

Согласно (14), для любой пропозиции, более сильной, чем утверждаемая, найдется альтернатива, выступающая не менее вероятным каузальным объяснением наблюдаемого положения вещей.

Возможно, впрочем, что (14) как компонент семантики избыточен и что это требование следует из грайсовских максимы количества и максимы релевантности. Кооперативный говорящий стремится сделать утверждение настолько информативным, насколько возможно. Соответственно, из доступных наилучших объяснений наблюдаемого положения вещей он выбирает самое сильное.

4. Каузальное объяснение, CG и сопутствующие эффекты

Несколько важных соображений, имеющих отношение к семантике инференциальности, связаны с представленным в определении понятием каузального объяснения. Напомним, пропозиция p представляет собой каузальное объяснение пропозиции q в том случае, если $p \text{ cause } q$, где q — отношение непосредственной каузации.

Отношение непосредственной каузации допускает, чтобы p и q соответствовали отношению между событием и его результирующим состоянием. Именно так, в частности, соотносятся наблюдаемое положение вещей и утверждаемая пропозиция в рассмотренных выше контекстах K_1 и K_2 в (9). Это, однако, не единственная возможность.

Рассмотрим контекст K_3 . Он отличается от контекста K_1 тем, что результирующего состояния не содержит. K_3 дает информацию о состоянии, которое возникает после вспахивания не у пациента, а у агенса. (Более того, не предполагается даже, что ситуация достигла кульминации и пациент вступил в новое состояние.) Однако ‘быть испачканным грязью, дизельным топливом’ и т.д. — именно то состояние, которого достигает пахарь

в силу участия в ситуации ‘пахать поле’. Соответственно, утверждаемая пропозиция вновь выступает как наиболее вероятное каузальное объяснение наблюдаемого положение дел, а значит, это положение дел дает говорящему достаточно оснований для успешной абдукции пропозиции ‘Даут (вс)пахал поле’.

Примеры такого рода показывают, что формулировки в цитатах выше («результат», «воспринимаемый результат», «результатирующее состояние») не следует понимать слишком буквально. Результатирующее состояние, задаваемое значением предельного переходного глагола — это состояние, носителем которого по необходимости выступает пациент (в некоторых теориях, возможно, вместе с агенсом). Это, однако, не может быть только агенс. Deskриптивные свойства состояния или определяются лексическим значением глагола или остаются недоспецифицированным. Результатирующего состояния может и не быть — если глагол неопредельный. Для абдукции, однако, неважно, если у предиката лексически детерминированное результирующее состояния и достигается ли оно. Это может быть любое положение вещей, непосредственно каузированное утверждаемой пропозицией при условии, что она выступает для него наилучшим объяснением.

В частности, наблюдаемое положение дел может вовсе не быть состоянием. Пусть, например, известно, что флаг над резиденцией персидского царя приспускается в единственном случае — и случае его смерти. Наблюдения такого события достаточно для абдукции предложения (15):

- (15) patša ül-gän.
царь умирать-PFCT
{Я вижу,} царь умер.’

Еще одна минимальная пара, иллюстрирующая ограничение на абдукцию, показана в (15):

- (16) ^{??}K₁: Говорящий наблюдает бой. Командир атакующих падает на землю.
K₂: Говорящий приближается к командиру, проверяет пульс и понимает, что тот мертв.
kamandir-ne ütér-gän.
командир-ACC убивать-PFCT
{Я вижу,} командира убили.’

В контексте K₁ предложение аномально. Мы знаем, что убитый падает на землю, но мы также знаем, что не всякий упавший убит: возможно он ранен или просто споткнулся. Соответственно, контекст K₁ не позволяет абducировать событийную дескрипцию ‘командира убили’, отвергнув альтернативы ‘командира ранили’, ‘командир споткнулся’ и т.д. В контексте K₂ абдукция проходит успешно: в ситуации боя событие ‘командира убили’ (а не, скажем, ‘командир умер от инфаркта’) — наиболее вероятная причина состояния ‘быть мертвым’.

Таким образом, случаи типа (9) показывают нам аномальность Перфекта, возникающую при недостатке информации, которая позволила бы по наблюдаемому положению вещей определить агенса, а (16) — подобрать верную событийную дескрипцию. В общем случае это верно для любого элемента, образующего пропозицию — актантов, временных, локативных, причинных сирконстантов и т.д. Если наблюдаемого положения вещей в комбинации с контекстной информацией и общими знаниями недостаточно для абдукции утверждаемой пропозиции в соответствии с (8а-с), инференциальный Перфект невозможен.

В качестве завершающей иллюстрации рассмотрим (17), где говорящий не является непосредственным свидетелем описываемой ситуации ‘Даут дал мне 100 рублей’.

В зависимости от содержания CG в (17) производится абдукция пропозиции из разного набора альтернатив. В контексте K_1 неизвестный параметр — сумма, в K_2 — идентичность агенса. Соответственно, в первом случае говорящий должен абдуцировать утверждаемую пропозицию, отвергнув альтернативы вида ‘Даут дал мне x рублей’, а во втором — ‘X дал мне 100 рублей’.

(17) K_1 : Даут, директор колхоза, выдал рабочим зарплату в запечатанных конвертах. Зарплата говорящего составляет 200 рублей. Он приносит конверт домой, открывает его и обнаруживает лишь 100 рублей.

K_2 : Говорящий остро нуждается в деньгах. Его друг Даут оставляет конверт со 100 рублями у его двери. Говорящий открывает конверт и узнает сторублевую купюру с оторванным уголком, которую он сам дал Дауту некоторое время назад.

daut miŋa jez sum bir-gän.

Даут 1SG.DAT сто рубль давать-PFCT

‘{Я вижу,} Даут дал мне 100 рублей.’

В обоих случаях абдукция проходит успешно. В первом случае из известных говорящему пропозиций ‘Эх. Даут дал мне x рублей’ и ‘полученная от Даута сумма оказалась равна 100 рублям’ (плюс, вероятно, знания, что по дороге с работы домой к конверту никто не притрагивался) однозначно выводится ‘Даут дал мне 100 рублей’; альтернативы вида ‘Даут дал мне 50 рублей’, ‘Даут дал мне 200 рублей’ и т.д. естественно отклоняются.

Во втором случае так же легко отклоняются альтернативы вида ‘Джавдет дал мне 100 рублей’, ‘Марат дал мне 100 рублей’ и т.д. Наблюдаемое положение вещей в этом случае — ‘у меня оказалась сторублевая купюра’, а контекстное знание — ‘Эх. x дал мне 100-рублевую купюру’ и ‘Даут был предыдущим обладателем купюры’. Имея такую информацию (плюс, видимо, опираясь на допущение, что купюра не меняла владельца), говорящий абдуцирует (17), отводя альтернативы как маловероятные.

Мы видим, что на допустимость инференциального Перфекта критически важное влияние имеет информация, доступная в текущем контексте, которую говорящий полагает известной и которую мы выше обозначили как CG. Даже в очевидных случаях типа (6) приемлемость Перфекта, зависящая от успешной абдукции, может меняться, смотря по тому, что известно о Зухре и ее пальто. Если, как это обычно бывает, Зухра носит пальто сама, то его появление в прихожей однозначно указывает на приход владелицы. Если же известно, что Зухра систематически дает поносить пальто сестрам и подругам, то увидев его в прихожей, мы получаем основания для абдукции лишь значительно более слабой пропозиции: ‘пришла та, кто сегодня носит пальто Зухры’. Предложение (6), соответственно, в таком контексте становится невозможным.

Это, в частности, показывает, что абдукция — операция, не удовлетворяющая свойству монотонности, в отличие, скажем от дедукции. Если CG непротиворечива (как правило, это так и есть: участники коммуникации в обычных условиях не делают несовместимые допущения о происходящем) и если она содержит пропозиции ‘Все вороны черные’ и ‘Володя — ворон’, то пропозиция ‘Володя черный’ дедуцируется не только из этого CG, но из любого CG, содержащего большее количество пропозиций. Прирастание знания о мире и текущей ситуации, иными словами, не влияет результат дедукции. Абдукция — иное дело. При появлении дополнительного знания наиболее вероятное объяснение наблюдаемого положения вещей может измениться, и именно это мы наблюдаем в обсуждавшихся выше примерах.

Опираясь на абдукцию, мы можем лучше понять эффекты, возникающие при употреблении инференциальных показателей в контекстах, когда участником происходящего выступает говорящий. Мишарский Перфект, как и показатели косвенной засвидетельствованности в других языках, используется в форме 1-го лица единственного

числа, регулярно вызывают семантический эффект, который можно обозначить как эффект утраты контроля (см. Майсак, Татевосов 2000). Эта возможность иллюстрируется в (18):

- (18) Контекст: Говорящий, некоторое время искавший топор, наконец находит его в своей сумке.
min balta al-gan-mɣn!
я топор брать-PFCT-1SG
'{Оказывается,} я взял топор!'

В (18) вся информация о ситуации 'Я взял топор' приобретается *ex post facto* — посредством абдукции. В этой ситуации говорящий задействован в роли агенса, то есть иницирующего и контролирующего участника. Получается, что говорящий имеет лишь косвенное знание о ситуации, которую он сам инициировал и контролировал. Такое возможно, если он действовал, не отдавая себе отчета в том, что делает, — например, в состоянии глубокой задумчивости, опьянения, амнезии и т.п.

Этот эффект, однако, необязателен, и идея, что инференциальность Перфекта сводится к абдукции, позволяет понять, в каких именно случаях. Как мы уже видели выше, при использовании Перфекта абдуцируется пропозиция, которая утверждает наличие в актуальном мире ситуации с определенными дескриптивными свойствами. Соответственно, можно ожидать, что если предмет абдукции — именно дескриптивные свойства, прямая засвидетельствованность не исключается. Говорящий может непосредственно наблюдать происходящее, не отдавая себе отчета в том, что наблюдаемое удовлетворяет некоторой событийной дескрипции. Содержание дескрипции проясняется позже посредством абдукции. В этом случае эффекта утраты контроля в контексте 1-го лица не возникает. (19)-(20) иллюстрируют такую возможность.

- (19) min karak tɣt-kan-mɣn.
я вор ловить-PFCT-1SG
'{Оказывается,} я поймал вора {но я не знал, что это вор и отпустил его}.'

- (20) Контекст: Говорящий и Закир сражаются. Говорящий ударяет Закира большой палкой. Закир падает и лежит неподвижно на земле. Говорящий проверяет его пульс и понимает, что Закир мертв.
min zakir-nɣ üter-gän-men!
я Закир-ACC убивать-PFCT-1SG
'{Оказывается,} я убил Закира!'

В (19)-(20) говорящий участвует в ситуации сознательно, однако правильная дескрипция происходящего в этот момент ему не доступна; информация о ней также приобретается *ex post facto*, посредством абдукции В (19) выясняется, что ситуация описывается как 'поймать вора', а в (20) — что происшедшее удовлетворяет предикату 'убить Закира'.

Завершая этот раздел, отметим важное свойство анализа инференциальности через абдукцию в духе (8). Наблюдаемое положение дел *q* имеет место в актуальном мире. Семантика каузального отношения (например, Dowty 1979) гарантирует, что событие, вызвавшее *q* к жизни, также имеет место в актуальном мире. Соответственно, если мы принимаем *p* как наилучшее объяснение *q*, мы тем самым принимаем и то, что *p* истинно в актуальном мире. Из этого вытекают наблюдения, суммированные В.С. Храковским и процитированные в начале раздела. Но это верно только для инференциального употребления показателей косвенной засвидетельствованности.

5. Инференциальность и репортативность

Если наблюдения об абдукции, изложенные выше, верны, то в семантике инференциальности не ничего идиосинкразического. Эта семантика представляет собой выражаемую грамматически средствами логическую операцию, эмпирическая реальность которой подкрепляется огромным количеством независимых свидетельств.

Однако, инференциальное прочтение татарского Перфекта, как и его аналогов в других языках, — лишь одна из возможностей. Вторая возможность — репортативное прочтение. Есть ли что-то, что их объединяет?

Возможная идея, которую можно предложить как ответ на этот вопрос, состоит в том, что не только инференциальное, но и репортативное употребление перфекта сводится к абдукции. Если это так, то, учитывая сказанное в конце предыдущего раздела, мы получаем возможность объяснить, почему показатели косвенной засвидетельствованности типа мишарского Перфекта **в любых употреблениях** не предполагают пониженной достоверности, когда говорящий не возлагает на себя ответственность за истинность пропозиции в актуальном мире.

Как происходит абдукция в случае репортативного употребления? Посылкой для абдукции, тем положением вещей, для которого подбирается наилучшее объяснение, в этом случае выступает сам репортативный речевой акт. Предположим, что А рассказывает В, что персидский царь умер. Тогда В может использовать перфект для утверждения этой полученной опосредованно пропозиции. (15) повторяется как (21):

- (21) patša ül-gän.
царь умирать-РФСТ
'{Как мне рассказали,} царь умер.'

Почему А сказал, что персидский царь умер? Вероятно, потому, что он хотел сообщить В эту информацию. А если верно, что обмен информацией (по крайней мере без явных оснований предполагать обратное) — это обмен **правдивой информацией**, то наилучшее объяснение поведения А состоит в том, что А хотел поделиться с В знанием, что царь умер. Хочется думать, что абдуцировать истинность пропозиции 'Царь умер' позволяет тот простой факт, что А использует ее в утвердительном высказывании и при этом знает, что говорит.

Если такая абдукция эмпирически реальна, то она, очевидно не ограничивается контекстами, в которых используется репортативные показатели. Любое речевое взаимодействие нуждается в постоянной интерпретации языкового поведения участников коммуникации и тем самым предполагает абдукцию — поиск объяснения того, почему это поведение таково, каково оно есть.

Очевидно, такая абдукция отличается от рассуждений врача, ставящего диагноз, или лингвиста, подбирающего наилучшую гипотезу для объяснения, например, эллипсиса материала, содержащего в себе антецедент. Она происходит автоматически и бессознательно.

О том, что именно так, с массивным вовлечением абдукции, и устроено речевое взаимодействие, писали многие авторы, занимавшиеся прагматикой коммуникации. Интерпретации языкового поведения любого говорящего имеет абдуктивный характер. В Hobbs 2004 обсуждаются многочисленные частные случаи, причем выясняется, что абдукция вовлекается не только в интерпретацию намерений говорящего, но и в определение структуры дискурса, разрешение неоднозначности, интерпретацию метонимии и метафоры и многое другое.

На поиск наилучшего объяснения речевого поведения говорящего завязана и деривация импликатур, вытекающих из грайсовских максим речевой коммуникации (Grice 1975). Вспомним известный пример: рекомендатель составляет письмо в поддержку студента, поступающего в аспирантуру, упоминает его спортивные достижения, но ничего

не пишет об академических успехах. Получив такую рекомендацию, мы начинаем интерпретировать речевое поведение рекомендателя. Если бы он, полагаем мы, имел в виду сообщить что-то положительное об академических достижениях рекомендуемого, он бы так и поступил. Составляя письмо, он стремился быть настолько кооперативным, насколько возможно, то есть сообщить о рекомендуемом всю релевантную информацию (и ничего лишнего). В контексте рекомендации в аспирантуру информация об академических достижениях — это в высшей степени релевантная информация. Следовательно, если бы рекомендатель считал, что успехи есть, он бы сказал об этом эксплицитно. Он этого не сделал, а значит, он так не считает. В результате этих рассуждений (чаще всего также бессознательных) человек, прочитавший рекомендацию, абдуцирует пропозицию ‘Рекомендатель не считает, что у рекомендуемого есть академические успехи’.

Если возможно свести репортативное употребление показателей косвенной засвидетельствованности к абдукции, их семантика приобретет положительное общее основание. (В известных нам работах по эвиденциальности это общее основание всегда задается отрицательно — как отсутствие прямой засвидетельствованности.) Инференциальность и репортативность становятся разными вариантами абдукции. При инференциальном употреблении утверждаемая пропозиция абдуцируется на основе ее наблюдаемых последствий; при репортативном — на основании того, что ее утверждает некоторый субъект, участвующий в коммуникации с говорящим. Возможная реализация этой идеи показана в (22) в квазиформальном виде:

- (22) $\| i\text{-evid } p \|$ определено только в том случае, если имеется событие e с дескриптивными свойствами P такое, что говорящий непосредственно наблюдает e , и p выступает наилучшим объяснением для пропозиции $\exists e. P(e)$.
Если $\| i\text{-evid } p \|$ определено, $\| i\text{-evid } p \| = 1$ тогда и только тогда, когда $\| p \| = 1$

Согласно (22), показатель косвенной засвидетельствованности $i\text{-evid}$ — это функция эквивалентности с пресуппозицией. Пресуппозиция требует, чтобы утверждаемая пропозиция абдуцировалась из пропозиции $\exists e. P(e)$, где e — наблюдаемое событие. P , событийный предикат, определяющий дескриптивные свойства этого события, представлен несвязанной переменной, получающей значение в результате оценки переменных. Если оценка присваивает P в качестве значения предикат вида $\lambda e. \exists x [x \text{ сообщил мне, что } \| p \| = 1]$, мы получаем репортативное прочтение. Абдукция происходит на основании события, состоящего в том, что говорящий получает информацию об утверждаемой пропозиции из внешнего источника. В противном случае, если событие имеет любые другие дескриптивные свойства, возникает инференциальная интерпретация.

В этом месте обнаруживается одна труднопреодолимая проблема. Чтобы осуществить описанный только что проект, требуется показать, что имея в качестве исходной точки наблюдаемое положение дел в (23a), мы можем прийти к (23d). Очевидно, (23d) не абдуцируется из (23a) непосредственно: мы должны прийти к (23d) через промежуточные шаги в (23b) или (23c) (или оба).

- (23) a. X утверждает пропозицию ‘Царь умер’, то есть предлагает рассматривать ее как истинную в актуальном мире.
b. X полагает, что пропозиция ‘Царь умер’ истинна в актуальном мире.
c. X знает, что пропозиция ‘Царь умер’ истинна в актуальном мире.
d. Пропозиция ‘Царь умер’ истинна в актуальном мире.

(23b) как наилучшее объяснение (23a) действительно возможно. Если в CG отсутствует информация о том, что X склонен к сознательному манипулированию

истиной, следует предполагать, что его высказывание выражает его подлинные мнения и представления о мире.

Далее, из (23с) нетрудно абдуцировать (23d). (23d) — пресуппозиция (23с), так что если верно, что субъект *знает, что p*, то это верно потому, что *p истинно*. В противном случае (23с) было бы бессмысленным³.

Остается от (23b) перейти к (23с) или непосредственно к (23d), и именно здесь мы сталкиваемся с неразрешимыми трудностями. В обычной ситуации, когда в СГ нет никакой специальной информации об X, у нас нет оснований предполагать, что мир полностью устроен в соответствии с его представлениями, то есть что все пропозиции, которые он считает истинными, действительно истинны. Это означает, что считать (23d) наилучшим объяснением (23b) нет достаточных оснований. В частности, например, нет оснований считать, что (23b) не является результатом добросовестного заблуждения X-а.

Ровно по той же причине невозможно, опираясь на (23b), абдуцировать (23с). Наличие у X-а представлений, согласно которым *p* имеем место, делает (23b) истинным. Однако такие представления могут иметь, а могут и не иметь статуса знания, и признать их знанием, отвергнув другие возможности, в обычной ситуации невозможно.

Следовательно, из того, что X делает утверждение *p*, в лучшем случае абдуцируется пропозиция 'X считает, что *p*' в (23b), но не сама пропозиция *p*. Это означает, что в репортативном употреблении формы косвенной засвидетельствованности вызывали бы интерпретацию вида (24):

(24) Имеется такой X, что X сообщает говорящему о *p*, и X считает, что $\| p \| = 1$.

(24) возлагает ответственность за истинность пропозиции на источник информации X. Высказывания с репортативными формами должны в таком случае создавать импликацию, что говорящий сам не несет ответственности за истинность пропозиции. Это с неизбежностью приводило бы к эффекту пониженной достоверности.

В мишарском диалекте, как и в литературном татарском, такие формы действительно есть (см. Татевосов 2017), однако это не формы эвиденциального Перфекта, обсуждаемые в этой статье. Перфектные формы не создают такого эффекта не только в инференциальном употреблении, но и в репортативном.

6. Перфект и (не)пониженная достоверность

В этом месте мы возвращаемся к вопросу, который возник в самом начале статьи. В.С. Храковский отмечает, что инференциальная ипостась показателей косвенной засвидетельствованности не предполагают эпистемической неопределенности со стороны говорящего или его пониженной ответственности за истинность пропозиции. Не предполагают этого и репортативная ипостась. Попытка свести то и другое к абдукции, предпринятая в предыдущем разделе, сталкивается с трудностями. Есть ли возможность реализовать в пределах одного анализа навязываемый эмпирическим материалом дезидератум:

- объяснить инференциальность и репортативность как две стороны одного явления,
- учесть соображение о том, что по меньшей мере инференциальность предполагает абдукцию, и при этом
- обеспечить обоим эпистемическую определенность, когда говорящий берет на себя ответственность за истинность пропозиции в актуальном мире?

³ С интуитивной точки зрения, конечно, пропозицию и проецируемую ею пресуппозицию (в частности, *X знает, что p* и *p*) связывают не совсем такие же каузальные отношения, как две независимые пропозиции (например, *Зухра пришла* и *Пальто Зухры здесь*). Излагаемое здесь рассуждение, однако, остается верным независимо от этого.

В оставшейся часть этой статьи мы обсудим одну частную возможность и придем к выводу, что она имеет серьезные эмпирические преимущества, хотя одно из ее исходных допущений может быть уязвимо для критики.

В Майсак, Татевосов 1999, а затем, независимо, в Коев 2011, обсуждается возможность того, что показатели косвенной засвидетельствованности содержат информацию о **событии приобретения информации об утверждаемой пропозиции**. Согласно такому анализу, предложения с показателями косвенной засвидетельствованности имеют семантику, неформально представленную в (25):

- (25) Косвенная засвидетельствованность как событие приобретения информации; первый вариант
 $\| i\text{-evid } p \|^w = 1$ если и только если
 $\exists e [e \text{ — событие в мире } w, \text{ в котором говорящий } \textit{получает информацию, что}$
 $\| p \|^w = 1]$

Согласно (25), истинность утверждаемой пропозиции представляет собой пресуппозицию предложений с показателями косвенной засвидетельствованности. Пресуппозиция создается предикатом ‘получить информацию, что’ (выделен курсивом), который можно рассматривать как предикат пропозициональной установки, требующий истинности зависимой пропозиции. Иными словами, предложения с показателями косвенной засвидетельствованности предполагают истинность пропозиции в той же степени и по той же причине, что и (26):

- (26) Я узнал, что Вася пришел.

Как локализовано во времени событие приобретения информации и как оно расположено по отношению к времени ситуации? Ответить на этот вопрос нам помогает знание о том, что интересующая нас форма в мишарском диалекте — презентный перфект.

Семантика такого перфекта известна: он вводит в рассмотрение фокусный временной интервал, ограниченный справа моментом речи и простирающийся в прошлое до тех пор, пока охватываемые им положения вещей составляют, с точки зрения текущего контекста, единый сегмент истории мироздания (см. Iatridou et al. 2001, Portner 2003, 2009 и упоминаемую там литературу). Такой интервал часто называется расширенным настоящим — это настоящее в узком смысле и та (относительно небольшая) часть прошлого, по поводу которой несущественно, что это прошлое.

Можно предположить, что эвиденциальный перфект сохраняет это главное свойство перфекта — указание на расширенное настоящее. Отличие состоит в том, что в расширенном настоящем размещается не время ситуации, а время приобретения информации о ней:

- (27) В любых употреблениях мишарский Перфект указывает на событие приобретения говорящим знания о пропозиции на интервале, содержащемся в контекстном (расширенном) настоящем.

С учетом всего этого семантику Перфекта можно уточнить следующим образом:

- (28) Косвенная засвидетельствованность; второй вариант
 $\| i\text{-evid } [\lambda e.P(e)] \|^w = 1$ если и только если
 $\exists t \exists e_n [e_n \text{ — событие в мире } w, \text{ в котором говорящий } \textit{получает информацию, что} \exists e$
 $P_w(e) \wedge \tau(e_n) \subseteq t \wedge RB(t) = \textit{now} \wedge \exists t' LB(t) = t' \wedge t \gg_T \tau(e)]$

Согласно (28) эвиденциальный перфект $i\text{-evid}$ применяется к событийной дескрипции $\lambda e.P(e)$, создаваемой на уровне глагольной группы. В результате возникает пропозиция, которая истинна если и только если выполняются следующие условия. Во-первых, имеется событие e_n , в котором говорящий получает информацию, что в актуальном мире имеет место событие из экстенционала предиката. Во-вторых, это событие заключено внутри фокусного интервала t , правой границей которого выступает момент речи ($RB(t) = \text{now}$), а левой — некоторый другой момент ($\exists t' LB(t) = t'$). В-третьих, время утверждаемого события $\tau(e)$ предшествует фокусному интервалу ($t \gg_T \tau(e)$).

Если это верно, вполне возможно, что два прочтения показателей косвенной засвидетельствованности — это частные случаи, вытекающие из общей семантики в (28). Согласно (28), мишарский Перфект и аналогичные категории вовсе не указывают ни на источник информации, ни на ее эпистемический статус. Они лишь сообщают, что в прагматически релевантных окрестностях момента речи имело место e_n — получение информации об утверждаемой пропозиции. Несовместимость Перфекта с прямой засвидетельствованностью связано с разъединением фокусного интервала, содержащего в себе время e_n , и времени утверждаемого события e . Время утверждаемого события локализовано в прошлом, тогда как приобретение знания происходит в настоящем. В настоящем наблюдать прошлую ситуацию уже слишком поздно: можно наблюдать лишь ее последствия или получать информацию из внешних источников.

Событие получения информации тем самым может иметь двойной характер: либо это вербальная информация из внешнего источника, и тогда перфект имеет репортативное прочтение. Либо, если вербальной информации такого рода нет, это абдукция утверждаемой пропозиции по ее наблюдаемым последствиям. Так происходит ограничение Перфекта до инференциальных и репортативных употреблений. В действительности перфект не многозначен, он лишь сообщает о том, что утверждаемая ситуация и получение информации о ней разнесены во времени. Инференциальность и репортативность возникают как две частные возможности получения информации при таком взаиморасположении интервалов.

Нельзя исключить, что компонент « $t \gg_T \tau(e)$ » ‘время утверждаемой ситуации находится за пределами расширенного сейчас’ в (28) избыточен. Кажется возможным, что он возникает как элемент конструкции с эпистемическим предикатом ‘получать информацию’, возможно, например, как пресуппозиция, проецируемая этим предикатом. В этом случае при интерпретации задействуется механизм, похожий на тот, который мы можем наблюдать в (29):

(29) Я узнал, что пришел Вася.

(29) предполагает, что говорящий не наблюдал приход Васи, причем этот семантический компонент более похож на пресуппозицию, чем на импликатуру. Эксплицитное отрицание этого компонента делает дискурс семантически аномальным:

(30) Я узнал, что пришел Вася. #Я сам видел, как он прошел через охрану здания.

Если предикат ‘получать информацию’ из (28) обладает сопоставимыми свойствами, элемент « $t \gg_T \tau(e)$ » можно удалить из семантического анализа косвенной засвидетельствованности, и тогда в нем останутся только исходная событийная дескрипция $\lambda e.P(e)$, компоненты семантики перфекта $\tau(e_n) \subseteq t$, $RB(t) = \text{now}$ и $\exists t' LB(t) = t'$, и собственно эвиденциальная семантика — указание на событие получения информации e_n .

Необходимо подчеркнуть, что компонент ‘говорящий получает информацию’ в (28) не следует отождествлять с глаголом *узнать* в (29)-(30) и, по-видимому, ни с каким

другим русским глаголом пропозициональной установки. У них есть по меньшей мере два существенных различия.

Во-первых, эвиденциальный компонент, который привносится эвиденциальными показателями, **неоспорим**. Его нельзя отрицать, подвергать сомнению или любой другой эпистемической оценке:

- (31) — Я вижу, Вася пришел.
a. — *Нет, на самом деле ты этого не видишь.
b. — *Я сомневаюсь, что ты это видишь.
c. — *Ты действительно это видишь?

Предложения с предикатом пропозициональной установки этим свойством не обладают:

- (32) — Вася знает, что Вася пришел.
a. — Нет, он этого не знает.
b. — Я сомневаюсь, что он это знает.
c. — Он действительно это знает?

Во-вторых, *узнать*, в отличие от ‘получить информацию’ в (28), не может описывать приобретение знания о пропозиции посредством абдукции. Ср. (33) и (34):

- (33) Я узнал, что Вася пришел. Маша мне сказала.
(34) К: Говорящий видит в прихожей пальто своего приятеля.
#Я узнал, что Вася пришел.

Подытоживая, можно сказать, что анализ в духе (28) обладает целым рядом существенных преимуществ. Во-первых, он увязывает инференциальность и репортативность в единое значение. Во-вторых, он объясняет то, что говорящий, используя формы косвенной засвидетельствованности, принимает полную ответственность за истинность утверждаемой пропозиции, предполагая за ней статус пресуппозиции. В-третьих, он соотносит обычный, эпистемически нейтральный префект с эвиденциальным и предполагает, что оба имеют в своей основе одну и ту же временную семантику: фокусное время — это расширенное сейчас.

Есть, конечно, некоторые позиции, нуждающиеся в дальнейшем прояснении. Одна состоит в том, что предикат пропозициональной установки ‘приобретать информацию (что $\exists e. P_w(e)$)’ обладает свойствами, которыми, по-видимому не обладает больше ни один такой предикат в известных нам языках: неоспоримость и совместимость как с абдукцией, так и с получением информации из внешнего источника. Вторая связана с тем, чтобы предложить правдоподобный диахронический сценарий, объясняющий, как в процессе диахронического развития перфекта, который исходно указывает только на событие из экстенционала глагольной группы, возникает указание на событие получения информации. Оставляя решение этих вопросов на будущее, мы завершаем обсуждение перфектоподобных показателей косвенной засвидетельствованности.

7. Заключение

Непосредственный результат этой статьи — наблюдение, согласно которому за инференциальными употреблениями показателя косвенной засвидетельствованности в мишарском диалекте татарского языка, скрывается абдукция, логическая операция, которая выводит утверждение в качестве наилучшего объяснения некоторого положения

дел. Более общее предположение, нуждающееся в эмпирической проверке, состоит в том, что аналогичную дистрибуцию эвиденциальных показателей можно найти и в других языках, где они представляют собой продукт диахронического развития перфекта. Гипотеза, которая, как кажется, позволяет увязать несколько семантических характеристик таких перфектов, в частности, объяснить их эпистемическую определенность, состоит в том, что основной семантический компонент перфекта — указание на событие приобретения информации об описываемой ситуации, разнесенное во времени с самой ситуацией. Если нам удалось убедить читателя, что описанный выше семантический сценарий правдоподобен, остается только выразить надежду, что дальнейшие эмпирические исследования эвиденциальности дадут дополнительный материал, проливающий свет на проблемы, которые в пределах этой статьи остаются нерешенными.

Литература

- Козинцева Н.А. (1994). Категория эвиденциальности. Вопросы языкознания. №3, 92-104
- Храковский В.С. (ред.) (2007). Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой. СПб.: Наука.
- Aikhenvald A.Y. (2004). Evidentiality. Oxford: Oxford University Press.
- Aksu-Koç A., Slobin D.I. (1986). A psychological account of the development and use of evidentials in Turkish // Chafe W.L., Nichols J. (eds.) Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology. Ablex, 159—167.
- Anderson, L.B. (1986). Evidentials, paths of change, and mental maps: typologically regular asymmetries. In: Evidentiality: the linguistic coding of epistemology (W. Chafe, J. Nichols, eds.), pp. 273-312, Ablex, Norwood.
- Bybee, J., R.D. Perkins, and W. Pagliuca (1994). The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. University of Chicago Press, Chicago.
- Csató É.Á. (2000). Turkish *miş-* and *imiş-* items. Dimensions of a functional analysis // Johanson L., Utas B. (eds.) Evidentials: Turkic, Iranian and neighbouring languages (Vol. 24). Walter de Gruyter, 29-44.
- Douven, I. (2016). Abduction // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2017 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <<https://plato.stanford.edu/archives/sum2017/entries/abduction/>>.
- Dowty D.R. (1979). Word meaning and Montague grammar: The semantics of verbs and times in generative semantics and in Montague's PTQ. Dordrecht: Reidel.
- Faller M. (2002). Semantics and Pragmatics of Evidentials in Cuzco Quechua. Ph.D. dissertation, Stanford University.
- Givón, T. (1982). Evidentiality and epistemic space. Studies in Language 9-1, 23-49.
- Grice H.P. (1975). Logic and conversation // Cole P., Morgan J.L. (eds.) Syntax and semantics. Vol.3. New York: Academic Press.
- Guentchéva, Z., ed. (1996). L'énonciation médiatisée. Peeters, Paris and Louvain.
- Hobbs, J. R., 2004. "Abduction in Natural Language Understanding," in L. Horn and G. Ward (eds.), The Handbook of Pragmatics, Oxford: Blackwell, pp. 724–741.
- Izvorski R. (1997). The Present Perfect as an Epistemic Modal // Proceedings of SALT 7.
- Johanson L. (2000). Turkic indirectives // Johanson L., Utas B. (eds.) Evidentials: Turkic, Iranian and neighbouring languages (Vol. 24). Walter de Gruyter, 61-88.
- Johanson L. (2003). Evidentiality in Turkic // Aikhenvald A. Y., Dixon R.M.W. (eds.) The grammar of knowledge: A cross-linguistic typology. Oxford: Oxford University Press.

- Johanson, L. and B.Utas, eds. (2000). Evidentials in Turkish, Iranian, and neighbouring languages. Mouton de Gruyter, Berlin.
- Koev T. (2011). Evidentiality and temporal distance learning // Proceedings of SALT 21.
- Lazard, G. (1996). Le médiatif en persan. In: L'énonciation médiatisée (Z. Guentchéva, éd.), pp. 21-30, Peeters, Paris and Louvain.
- Lewis D. (1973). Causation // Journal of Philosophy 70.
- Maisak T., Tatevosov S. (2007). Beyond evidentiality and mirativity: Evidence from Tsakhur // Guentchéva Z., Landaburu J. (eds.) L'énonciation médiatisée II: Le traitement épistémologique de l'information. Leuven: Peeters.
- Matthewson L., Davis H., Rullmann H. (2007). Evidentials as epistemic modals: evidence from St'at'imcets // Linguistic Variation Yearbook 7.
- McCready E., Ogata N. (2008). Evidentiality, modality and probability // Linguistics and Philosophy 30.
- Meydan M. (1996) Les emplois médiatifs de –miş en turc // Guentchéva Z. (ed.) L'énonciation médiatisée, Paris, l'Information grammaticale, Louvain, Peeters, 125-143.
- Murray S.E. (2010). Evidentiality and the structure of speech acts. Ph.D. dissertation. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University.
- Nikolaeva, I. (1999). The semantics of Northern Khanty evidentials. Journal de la Société Finno-Ougrienne, 88, 131-159
- Palmer, F.R. Mood and modality. Cambridge University Press, Cambridge.
- Portner P. (2003). The (temporal) semantics and (modal) pragmatics of the perfect // Linguistics and Philosophy 26-4.
- Portner P. (2009). Modality. New York: Oxford University Press.
- Şener N. (2011). Semantics and pragmatics of evidentials in Turkish. Ph.D. dissertation. University of Connecticut.
- Slobin D.I., Aksu A.A. (1982). Tense, aspect and modality in the use of the Turkish evidential // Hopper P. J. (ed.) Tense-aspect: Between semantics and pragmatics, 185-200.
- Speas M. (2010). Evidentials as Generalized Functional Heads // Anna Maria Di Sciullo (ed.) Interface.
- Tatevosov S. (2001). From resultatives to evidentials: Multiple uses of the perfect in Nakh-Daghestanian languages // Journal of Pragmatics 33-3.
- Tatevosov S. (2007). Evidentiality and mirativity in the Mishar dialect of Tatar // Guentchéva Z., Landaburu J. (eds.) L'énonciation médiatisée II: Le traitement épistémologique de l'information. Leuven: Peeters.
- Willett T. (1988). A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality // Studies in Language 12-1, 51–97.
- Woodbury, A.C. (1986). Interactions of tense and evidentiality: a study of Sherpa and English. In: Evidentiality: the linguistic coding of epistemology (W. Chafe, J. Nichols, eds.), pp. 188-202, Ablex, Norwood.